

0-762633

Веккесер Мария Викторовна

**ПОЛИСИНДЕТОН КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУРА
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Красноярск - 2007

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и риторики
факультета филологии и журналистики
Института естественных и гуманитарных наук
Сибирского федерального университета

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Александр Петрович Сквородников

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, профессор
Эда Моисеевна Береговская

- доктор филологических наук, профессор
Павел Алексеевич Катышев

Ведущая организация – Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Защита состоится «20» апреля 2007 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета Д.212.088.01 по защите диссертаций на соискание
учёной степени доктора филологических наук в Кемеровском государственном
университете по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО
«Кемеровский государственный университет».

Автореферат разослан «5» марта 2007г.

0000288871

Учёный секретарь
диссертационного совета Д.212.088.01
кандидат филологических наук

О.А. Булгакова

В сфере речеведения немаловажное значение придается вопросам, касающимся использования выразительных средств языка/речи. Это связано с необходимостью адекватного понимания высказывания, с овладением механизмами позитивного речевого воздействия, с преодолением коммуникативной неграмотности. В этой связи особый интерес приобретает изучение выразительных средств на всех уровнях языка, в том числе и на синтаксическом. Среди выразительных средств синтаксиса особо выделяют стилистические фигуры. Значительная распространенность полисиндетона (далее – П.) в отечественной художественной литературе и публицистике свидетельствует о правомерности вычленения его в качестве самостоятельного объекта исследования. Реферируемая диссертационная работа посвящена комплексному исследованию стилистической фигуры П. - её релевантных фигуральных признаков, структурных разновидностей, функционирования в современном русском языке на материале художественных (проза, поэзия, драматургия), публицистических, научно-популярных и собственно научных текстов.

Многосоюзные (полисиндетические) конструкции в грамматическом аспекте исследованы на уровне однородных членов, на уровне сложных предложений, части которых соединены одним и тем же союзом (Д.Э. Розенталь, С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов, И.Н. Кручинина, Н.И. Формановская, Н.С. Валгина, В.А. Белошапкина и др.). Но такие аспекты, как выразительность, экспрессивность, функционирование П. в различных речевых стилях как фигуры, не стали ещё предметом комплексного исследования и носят фрагментарный характер. Нам известно лишь несколько статей, в которых П. непосредственно рассматривается на материале русского языка в функционально-стилистическом аспекте (А.П. Сковородников, М.В. Рыжова, Ф.И. Джаубаева). Полисиндетические конструкции (без специального обращения к фигуральным признакам) описаны в структурном и стилистическом плане на материале немецкой (Р.Р. Чайковский, 1972) и английской (Л.В. Гарузова, 1977) прозы. Это дополнительное, хотя и косвенное свидетельство того, что изучение типологических особенностей этой фигуры в плане структуры и функционирования актуально для такого развитого литературного языка, как русский.

В сфере употребления терминов «полисиндетон» и «многосоюзиe» нет однозначности: они подаются либо в виде полных синонимов (Л.И. Тимофеев, С.Н. Венгров, А.П. Квятковский, Д.Н. Александров и др.), либо используется один из терминов без указания на существование другого (Д.Э. Розенталь, М.И. Панов, А.В. Филиппов, Н.Н. Романова). Термин «полисиндетон» трактуется в широком понимании как тип связи (О.С. Ахманова); в узком - как стилистическая фигура, основанная на повторе всех служебных слов - предлогов, союзов, частиц (М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев, Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина, А.В. Филиппов, Н.Н. Романова) или на повторе только союзов (Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина, М.И. Панов и др.). Это говорит о том, что термин «полисиндетон» наполняется разным содержанием. Термин «многосоюзиe» также является многозначным: трактуется как принцип построения текста и как стилистический приём в художественных текстах (И.Н. Кручинина).

В русской лингвистике П. (многосоюзиe) как стилистическая фигура определяется через преднамеренную избыточность (М.И. Панов, Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова и др.), через увеличение числа союзов между словами (Е. Аксёнова, И.А. Елисеева, Л.Г. Полякова и др.), через многократность в использовании союзов

(Д.Н. Александров и др.), через **нагнетание** в употреблении союзов (А.А. Мурашов и др.). Мы считаем, что обозначенные **признаки реализуют одно и то же - избыточность** в употреблении союза. В некоторых дефинициях вообще нет информации об устройстве П. (П.С. Пустовалов, М.П. Сенкевич).

В учебной и справочной литературе, как правило, не сообщается, повтор какого союза происходит в фигуре П., хотя в дефинициях в качестве иллюстраций приводятся примеры с повтором только сочинительного соединительного союза «и». В отдельных работах есть указание на повтор сочинительных соединительных союзов «и», «ни» (И.Б. Голуб), на повтор разделительных (Д.Э. Розенталь и др.), на повтор подчинительных (М.И. Панов). Это говорит о том, что нет полной определённости в самом определении данной фигуры, поскольку в трактовках указывается на избыточность в употреблении союзов (М.И. Панов), но при выражении некоторых синтаксических отношений (например, разделительных) союзы оказываются обязательным элементом в их выражении, т.е. отсутствует факультативность союзов. Таким образом, существует проблема в сфере разграничения многосоюза как стилистической фигуры и как экспрессивной синтаксической конструкции.

В учебной и справочной литературе недостаточно последовательно указывается реализация П. относительно синтаксической единицы, а также акцентируется внимание на стилистически значимом употреблении П. только художественном стиле (преимущественно в поэтических текстах), причем некоторые функции многосоюза недостаточно полно освещены, что свидетельствует о неизученности многих специфических черт данной стилистической фигуры, которая приводит к отсутствию единого понимания ее стилистической значимости и статуса.

Обозначенные выше проблемы обуславливают актуальность предпринятого исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно представляет собой первое монографическое описание П. как стилистической фигуры на материале русского языка. В работе дается структурно-функциональное описание П. с учетом принципа и средств его построения. Кроме того, в работе предпринята попытка выделения группы полирелятивных фигур и определения в ней места исследуемой фигуры, а также выявляется участие П. в стилистической конвергенции и роль его пунктуационного оформления в книжно-письменной речи, рассматривается структурное и функциональное соотношение асиндетона и П. в аспекте бинарной оппозиции.

Объектом исследования является стилистическая фигура П. как выразительное средство русского языка, предметом – структурно-семантическая типология и функционально-стилистическое использование П. как стилистической фигуры.

Цель работы состоит в исследовании фигуры П. в структурно-семантическом аспекте и в выявлении его функционально-стилистической значимости.

Целевая установка диссертационного исследования обусловила конкретные задачи:

- 1) рассмотрение истории изучения П. и определение его места в системе стилистических фигур;
- 2) установление содержания и соотношения понятий «многосоюзие» и «полисиндетон»;

- 3) выявление лингвистической природы и принципов построения, П.;
- 4) выяснение системных отношений П. и асиндетона;
- 5) построение структурно-семантической типологии П.;
- 6) выявление и описание диапазона стилистических функций П. в текстах различной стилевой принадлежности;
- 7) исследование П. в аспекте стилистической конвергенции;
- 8) рассмотрение роли пунктуационного оформления П. в художественно-прозаических текстах.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Следует различать многосоюзию как экспрессивную синтаксическую конструкцию и многосоюзию (П.) как стилистическую фигуру на основе выявления наличия/отсутствия полной или частичной факультативности союза. Это позволяет многосоюзную конструкцию соотнести со стилистически нейтральным вариантом. Таким образом устанавливается избыточность союза, что является релевантным признаком данной стилистической фигуры. При избыточном повторе союза происходит отклонение от языкового грамматического стандарта.

2. П. - это стилистический формализованный прием фигурального типа, который основан на избыточном повторе сочинительного или подчинительного союзов и на перечислении однородных членов или предложений в составе многочленного сложного предложения или сложного синтаксического целого. **Повтор и перечисление – частные принципы реализации общего синтагматического принципа избыточности.**

3. П. является стилистической фигурой, входящей в группу полирелятивных фигур, организованных общим принципом избыточности и такими частными принципами, как повтором служебных частей речи (союза, предлога, частицы) и перечислением однородных элементов структуры.

4. Исходя из системного подхода, П. можно квалифицировать как член бинарной оппозиции по отношению к асиндетону в подсистеме фигур, выделяемых по принципу противопоставления факторов экономии и избыточности.

5. При выделении структурно-семантических разновидностей П. следует учитывать такие основания, как:

- статус синтаксической единицы, в составе которой реализуется исследуемая стилистическая фигура (однородные члены предложения, многочленное сложное предложение, сложное синтаксическое целое) с учётом вида синтаксической связи (сочинения, подчинения, соподчинения) и семантико-синтаксических отношений, которые реализуются в контексте фигуры;

- расположение П. относительно структуры синтаксической единицы;

- тип текстовой единицы, в которой реализуется П. (фрагмент текста, целый текст).

6. П. обладает основной (постоянной) усилительно-выделительной функцией. В текстах различной стилевой и жанровой принадлежности П. способен выполнять дополнительные (частные) функции. В спектре частных стилистических функций находятся функции: текстообразующая, изобразительная, функция усиления определённых ощущений и тональностей (многообразия, обилия, одновременности, последовательности, интенсивности, гармоничности, упорядоченности, временное и

пространственное значения, результативности, динамичности, ассоциативности, патетичности, торжественности), интонационно-ритмическая, композиционная, приёмоактуализирующая, функция актуализации эмоционального компонента речи, характерологическая, оценочная, дискретная, которые свойственны в разной степени текстам того или иного функционального стиля или типа речи.

С наибольшей полнотой и частотностью частные функции П. реализуются в художественном стиле речи.

7. П. преимущественно конвергирует со стилистическими фигурами, в основе которых лежит принцип избыточности и повтор как способ их реализации. Это обусловлено и общими чертами структурной организации П. и других фигур повтора.

8. В художественно-прозаической речи пунктуационное оформление П. может сопровождаться преднамеренным отступлением от нормы, которое выполняет определённые дополнительные стилистические функции.

Для решения поставленных цели и задач применяется комплекс методов, основным из которых является описательно-аналитический с его основными разновидностями: лингвистическим наблюдением; интерпретацией, классификацией; сопоставлением и обобщением. Кроме того, использовался метод стилистического, в том числе - контекстуального анализа.

Материалом для анализа послужили фактические данные, полученные методом сплошной выборки. Исследовательский материал извлекался из текстов художественного (проза, поэзия, драматургия), публицистического (преимущественно газетный материал), научно-популярного и научного стилей.

П. в основном извлекался из произведений (романы, повести, рассказы, пьесы, поэтические произведения) современных русских писателей, драматургов и поэтов: В. Астафьева, В. Распутина, А. Солженицына, В. Солоухина, Б. Окуджавы, А. Битова, Д. Гранина, Ф. Абрамова, Л. Леонова, С. Алешина, А. Володина, А. Вампилова, Б. Ахмадулиной, В. Тушновой и др.

Публицистический стиль представлен газетными материалами жанров аналитической статьи, обзора, заметки, корреспонденции, репортажа, интервью, фельетона из центральных газет «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Аргументы и факты» и др.; из региональных газет «Красноярский комсомолец», «Время» и др.

Для исследования научно-популярного, научного стилей использовались книги, журналы, брошюры из области лингвистики, медицины.

Корпус исследуемых речевых иллюстраций составляет свыше двух тысяч единиц.

Теоретическая значимость выполненной работы состоит в том, что в диссертации дается комплексное описание стилистической фигуры П. с точки зрения её релевантных признаков, структурной типологии и стилистических функций. Это позволяет определять её место в системе выразительных средств русского языка/речи. Показано взаимодействие исследуемой фигуры с другими стилистическими средствами и выявлена роль её пунктуационного оформления. Комплексное функционально-стилистическое описание П. может быть использовано для более детальной разработки подсистемы стилистических фигур, построенных по принципу противопоставления экономии и избыточности, а также для сопоставления стилистических фи-

гур, входящих в те или иные оппозиции. При изучении других фигур повтора могут быть полезными выводы относительно их конвергенции с П.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при составлении новых и совершенствовании переиздающихся терминологических словарей и справочников, учебных пособий по стилистике, риторике, культуре речи, а также они могут быть востребованы при чтении основных и специальных курсов по речеведению в учебных заведениях различных уровней. Установленные факты относительно пунктуационного оформления П. в книжно-письменной речи могут использоваться в ходе изучения пунктуации на коммуникативной основе.

Апробация работы проводилась в виде докладов и сообщений на международной, всероссийских и региональных конференциях, чтениях, семинарах: «Обучение коммуникативным дисциплинам в школе и в вузе» (19-22 мая 1997 г.) – всероссийская научно-практическая конференция, г. Ачинск; «Теоретические и прикладные аспекты речевого общения» (апрель 1997–2005 гг.) – научно-методический семинар в рамках Дней науки на факультете филологии и журналистики КрасГУ, г. Красноярск; «Русская речевая культура XX века» (14-16 сентября 1999 г.) – всероссийская научно-практическая конференция, г. Ачинск; Филологические чтения, посвященные профессору Р.Т. Гриб (март 1999-2006 гг.), г. Лесосибирск; «Культура речевого общения в образовательных учреждениях разных уровней» (8-10 октября 2002 г.) – V Всероссийская научно-практическая конференция, г. Ачинск; «Актуальные проблемы русского языка и литературы» (19-20 ноября 2003 г.) – международная конференция молодых филологов, г. Красноярск; «Воспитание исторического и национального самосознания» (17-18 ноября 2005 г.) – региональная научно-практическая конференция, г. Канск; Научная конференция, посвящённая 25-летию факультета филологии и журналистики КрасГУ (25-26 мая 2006 г.) – г. Красноярск.

По материалам диссертации был разработан и апробирован спецкурс «Развитие речи на основе использования выразительных средств современного русского языка» в ЛПИ КрасГУ.

Содержание диссертационной работы отражено в 15-ти публикациях.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 382 источника, и приложения, содержащего дополнительные речевые иллюстрации П.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются методы исследования. Введение содержит сведения о структуре диссертации и об апробации результатов исследования.

В первой главе «**Теоретические вопросы изучения стилистической фигуры полисиндетона**» рассматривается содержание понятий «выразительность», «экспрессивность»; раскрывается понятие «стилистической фигуры» и проводится его соотношение со смежными понятиями; анализируются значение, употребление и соотношение терминов «многосоюзие» и «полисиндетон» в отечественной лингвистике; выявляются грамматические условия реализации многократного повтора одного и того же союза; определяются релевантные признаки П. как стилистической

фигуры; даётся описание истории изучения П.; устанавливается соотношение П. и асиндетона в плане оппозиций.

Анализ содержания работ по лингвистике и речеведению позволяет утверждать, что в них термины «экспрессивность», «изобразительность» и «выразительность» разными исследователями понимаются не одинаково.

В настоящее время выделены два основных понимания выразительности: 1) способность речи своей организацией привлекать и удерживать внимание адресата (Е.В. Капацкая, Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина, И.В. Пекарская); 2) совокупность коммуникативных качеств речи (целесообразность, уместность, точность, логичность, ясность, экспрессивность), которые способствуют адекватному пониманию речи, что соответствует основному назначению речевого общения (А.П. Сковородников, Г.А. Копнина). Мы будем придерживаться второго определения выразительности. П. попадает в состав так называемых выразительных средств языка/речи. Таким образом, выразительность является родовым понятием по отношению к понятию экспрессивности, которое вслед за авторами второй точки зрения мы понимаем как такое качество языковой/речевой единицы, а также целого текста или его фрагмента, благодаря которому говорящий или пишущий выражает своё субъективное отношение к предмету сообщения или адресату речи. К числу составляющих категории экспрессивности относятся эмоциональность, оценочность, интенсивность, образность.

При анализе П. как стилистической фигуры нами учитывается единство лексических и синтаксических средств, которые обеспечивают экспрессивность высказывания, заключающего в себе П.

В языкознании нет общепринятого определения фигуры. Обзор определений фигуры позволяет сделать следующие выводы: в основе фигуры лежит преднамеренное, коммуникативное (в том числе и стилистически) и стилистически оправданное отклонение от определённой нормы, или её нейтрального варианта; стилистическая маркированность, выявляющаяся на фоне употребления; регулярность и стандартность воспроизведения; определённое варьирование функционального проявления в зависимости от стиля употребления и её лексического наполнения.

В нашей работе термины «стилистическая фигура» (фигура речи) и «экспрессивная синтаксическая конструкция» употребляются дифференцированно.

Первый термин нами используется для наименования многосоюзия, в основе которого лежит избыточное употребление союза, а второй употребляется в отношении многосоюзия нефигурального типа, в котором повторение союза грамматически обязательно. Избыточность союза устанавливается на основе применения приёма трансформации, при котором возможно изъятие союза без нарушения целостности структуры. Он позволяет выявить преднамеренную избыточность в употреблении союза, а также даёт возможность соотнести исследуемую конструкцию со стилистически нейтральным вариантом, под которым понимается структура с моносоюзием. Понятие риторического приема мы понимаем как родовое по отношению к понятиям стилистическая фигура и троп.

В оценке П. как стилистической фигуры мы исходим из нескольких критериев:

1) П. находит своё выражение на синтаксическом уровне языка; 2) он представляет собой отступление от нейтрального варианта языковой грамматической нормы; 3) в

нем наблюдается избыточность в употреблении союза, которая выявляется на основе сопоставления с нейтральным стилистическим вариантом или путём трансформации многосоюзной конструкции в бессоюзную.

Фигуры, в основе которых лежит избыточный повтор союзов, частиц, предлогов, определяются нами как **полирелятивные**. Избыточный повтор частиц определяем термином «полипартикулярные фигуры» (от лат. *particula* – «частица»); повтор предлогов – как «полипрепозитивные фигуры» (от лат. *praeposition* – «предлог»), поскольку в лингвистике нет специальных терминов для наименования данных стилистических средств. Эти фигуры объединяются нами в группу полирелятивных фигур на основе общности принципа их организации – избыточности; одного и того же способа реализации – повтора и перечисления; функциональной близости. Функциональная близость полирелятивных фигур заключается в обладании ими общей усилительно-выделительной функцией. Стилистическая фигура П. имеет место только тогда, когда союз (а также частица и предлог) является грамматически факультативным (полностью или частично) в структуре многосоюзной конструкции.

Общей грамматической предпосылкой для возникновения П. является **сочинение**, реализующееся в контексте открытых рядов (соединительные отношения) и закрытых, осложненных перечислением сочинительных рядов (сопоставительные, противительные отношения) на уровне членов предложений, предикативных единиц в составе сложносочиненного предложения и на уровне отдельных предложений в составе сложного синтаксического целого; а также **подчинение**, которое обуславливает **однородно соподчиненные** придаточные в составе сложноподчиненного предложения. Во всех случаях необходимым условием для создания многосоюзного ряда выступает **однородное перечисление** каких-либо грамматических значений (отношений), подкрепленное **повтором** союзов (сочинительных, подчинительных).

П. мы определяем как **стилистический формализованный прием фигурального типа**, который основан на **избыточном повторе** сочинительного или подчинительного союзов и на **перечислении однородных членов** или предложений в составе многочленного сложного предложения или сложного синтаксического целого. **Повтор и перечисление** - средство реализации синтагматического принципа избыточности.

Всими признаками стилистической фигуры в отношении понятия «избыточность» обладают конструкции П. с полной факультативностью союза, однако частичная факультативность не снимает наличия избыточности. Полная факультативность присуща П. с сочинительными одноместными повторяющимися союзами («и», «а», «но» и др.), например: 1) *Сразу же откуда-то взялась бабушка, начала одевать меня, как маленького, я безвольно подчинялся ей, и смеялся безудержно, и о чем-то говорил, и чего-то спрашивал, и перебивал сам себя* (В. Астафьев); *Нужно не просто научное издание, а популярное, а развлекательное, отвечающее всем вкусам* (В. Колесник и др). При этом избыточность может характеризовать и двукратный повтор одного и того же союза. Частичная факультативность характерна для П. с многоместным сочинительным союзом, но при его повторе не менее трех раз («и...и...»), «ни...ни...») и др.), например: 2) *Но он ощутил их близость, из возможность разнести все вокруг – и этих оркестрантов, и этого человека с желтой палочкой, и эти ряды золотистых кресел, и самый мрамор стен консерватории* (В.

Солоухин. Мать-мачеха). В последнем примере постанова союза в первой позиции обусловлена связью П. с предтекстом, постанова второго союза прогнозируется первым, остальные союзы факультативны. П. с одностным повторяющимся союзом представлен структурами, в которых имеет место повтор двух и более союзов (илл. 1), а П. с многостным союзом включает три и более союзов (илл. 2).

Подчинительные союзы тоже характеризуются различной степенью факультативности: полной (илл. 3) или неполной (илл. 4). Примеры: 3) *И две машинистки в четыре руки / Стучали, что нету ни дров, ни муки. / Что просит поддержки измученный фронт. / Что черною тучей грозит горизонт* (Гудзенко); 4) *Ему придется отвечать, потому что они живы, эти люди, потому что они нашли его довоенную фотографию, потому что они свидетельствовали перед нами и заявили, что готовы подтвердить свои слова в любом, самом высоком суде* (Комс. пр. 10.02.1995). Фигура П. с подчинительным союзом содержит два и более повтора.

В античных риториках место фигуры П. обусловлено её функционированием и стилиевой принадлежностью: по стилистической отнесенности она рассматривалась как в величественном стиле, так и в простой письменной по форме речи (Деметрий); по способности выражать чувства её связывали с эмоциональной сферой жизнедеятельности человека (Праксифан); по назначению её определяли как средство создания благозвучности речи (Дионисий Галикарнасский).

Старые русские риторы определяют и классифицируют исследуемую нами конструкцию как фигуру «речений» (слов), «состоящую в излишестве речений» (М.В. Ломоносов, Феофан Прокопович, А.С. Никольский, Амвросий); как фигуру, в основе которой лежит «смена» грамматических форм (Макарий); как фигуру, служащую «выражению важнейшей мысли» (И.С. Рижский). Данные квалификации определялись либо структурными, либо функциональными аспектами, которые были положены в основу определённой типологии.

При сопоставлении ряда современных классификаций нами было установлено, что в них фигура многосоюза характеризуется как 1) словесная (диаграмматическая), грамматическая (синтаксическая), основанная на отображении повторяемости по типу прибавления (Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина), по типу объединения В.И. Корольков), по типу добавления (Ю.М. Скребнев); 2) лексико-синтаксическая (А.А. Мурашов); 3) грамматико-фонетическая (Ю.В. Рождественский); 4) фигура, создающая однообразную и нарочито пространную речь (В.П. Москвин). Таким образом, место П. в отечественных классификациях обусловлено уровневым, структурным или функциональным подходами. При этом в большинстве типологий фигур речи (стилистических фигур) указывается на противопоставленность П. и асиндетона либо на основе структурного признака, либо – функционального, которая (противоположность) обнаруживается уже в античных теориях.

Исходя из системного подхода, П. можно квалифицировать как член бинарной оппозиции по отношению к асиндетону в подсистеме фигур, выделяемых по принципу противопоставления факторов экономии и избыточности.

На основе метода оппозиций (Н.С. Трубецкой) были выявлены общие и различные черты асиндетона и П. по некоторым структурным и функциональным признакам. Такой подход позволяет наметить возможные перспективы рассмотрения П. в аспекте системных отношений с другими стилистическими фигурами, основанными

не только на общем синтагматическом принципе избыточности, но и на противоположном – экономии. Асиндетон и П. по способам построения (экономия и избыточность) представляют собой оппозицию в пределах одной микросистемы стилистических фигур. С точки зрения различительной силы данные стилистические фигуры не могут являться постоянной оппозицией, т.к. действие дифференциального признака не всегда срабатывает. Нейтрализация в структурном плане обусловлена тем, что сочинительный бессоюзный и многосоюзный ряды имеют один и тот же частный способ – перечисление. Структурная нейтрализация приводит к некоторой нейтрализации в плане функционального проявления данных фигур, например, при выражении динамичности и интенсивности: *Скрежещет, стонет, бездушно хохочет знающий свое дело раторопный джаз* (В. Солоухин). Ср.: *В пору великого разлива и буйства, когда все с шумом и плью, и спешило, и металось, и пело, и бурлило, мы думали о будущем* (В. Астафьев).

Во второй главе «**Структурно-семантические разновидности стилистической фигуры полисиндетона в русском языке**» представлена многоаспектная классификация П.

При выделении структурно-семантических разновидностей фигуры П. учитываются:

- статус синтаксической единицы, в составе которой реализуется исследуемая стилистическая фигура: однородные члены предложения, многочленное сложное предложение (далее – МСП), сложное синтаксическое целое (далее - ССЦ), с учётом вида синтаксической связи (сочинения, подчинения, соподчинения) и семантико-синтаксических отношений, которые реализуются в контексте фигуры;
- расположение П. относительно структуры синтаксической единицы;
- тип текстовой единицы, в которой реализуется П. (фрагмент текста, целый текст).

С учётом указанных выше оснований мы выделяем следующие типы П.

1) **Монопредикативный П. открытой структуры**, под которым мы понимаем фигуральный повтор сочинительных союзов с соединительным значением в контексте однородного ряда, который формируется за счёт перечисления членов предложения: *Приходится с иного сдавшего и мешок на бегу снимать, и противопогаз, и автомат* (Лит. газ., 25.01.2001); *Не станет ни неба, ни цвета, ни света, ни утра весеннего с синей грозой* (О. Джалил); а под **монопредикативным П. закрытой структуры, осложнённой перечислением** типа связи, мы понимаем фигуральный повтор сочинительных союзов с сопоставительным и противительным значениями в контексте однородного ряда, который формируется за счёт перечисления членов предложения: *Нужна не быстрая, а черновая, а повсеместная, а подвижническая работа с народом и для народа* (Лит. газ., 26.12.90); *Но как ты могла, но как посмела? Взяла и улетела, ни чем не помогла* (В. Луговской).

Первое место по частотности употребления занимают открытые структуры П. с соединительными отношениями (70% от числа П., реализующегося в пределах однородного ряда по всем обследованным стилевым разновидностям). Второе место принадлежит структурам, которые содержат повтор сопоставительного союза (20%). Третье – структурам П. с повтором противительного союза (10%).

Полипредикативные разновидности П. реализуются в МСП и в ССЦ (в последнем случае за счёт предложений, разделённых точкой).

Мы выделяем следующие разновидности П. в составе МСП: а) полипредикативный П. открытой структуры, характеризующейся повтором соединительных союзов: *Под коричневой корочкой дымилась мягкая плоть, не потерявшая природного вкуса, да сок тек по пальцам, да олений дух витал меж нами, да глаз был остр, да голова ясна, да мысли возвышены, и хотелось вчерашнему врагу руку положить на плечо и сказать: «Прости, брат!»* (Б. Окуджава).

б) полипредикативный П. закрытой структуры, усложненной перечислением, который характеризуется повтором сопоставительных и противительных союзов: *Крик и гвалт слышны, кто-то поет Окуджаву, а кто-то уже заснул, а кто-то на кого-то обиделся на всю жизнь. И так нам этого поначалу не хватало!* (Лит. газ., 26.12.90); *Но у Вани ведь два самовара, Но у Вани ведь столько коров!* (Исаковский).

в) полипредикативный П. в контексте однородного соподчинения (повтор подчинительных союзов): *Боюсь, что над нами не будет таинственной силы, Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом. Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы* (Н. Рубцов).

Полипредикативный П. в составе МСП в наибольшей степени распространен в контексте многочленного сложносочиненного предложения однородного состава (75% от всех случаев полипредикативного типа по всем обследованным стилям), при этом чаще встречается в поэтических текстах; менее частотен он в контексте МСП с однородным соподчинением (16%), редко представлен в контексте многочленного сложносочиненного предложения, характеризующегося закрытой структурой, усложненной перечислением (9%).

П. в составе ССЦ: *А дни бегут. А сила не вернется. / А старость бродит по моим следам... / Пусть будет так. / Но все же сердце бьется. / И это сердце – без остатка там* (Исаковский). Употребление П. в составе ССЦ составляет 17% от общего числа этой фигуры, извлеченной из всех обследованных нами стилей.

2) Контекстуально не обусловленный П. характеризуется повтором одноместного союза с соединительными отношениями в структуре однородного ряда и предикативных единиц: *Я вдоволь пострелял на своем веку и вдоволь поблаженствовал, слыша победные трубы, и я вдоволь позадыхался, спасаясь бегством от преследователей, и наплакался при виде хладных тел вчера еще живых* (Б. Окуджава), а контекстуально обусловленный П. характеризуется повтором многоместного союза с соединительными отношениями в структуре однородного ряда и предикативных единиц: *Один раз была у меня попытка выйти замуж. Знакомые настояли – давай и давай, такой есть славный человек: и не пьет он, и зарабатывает, и разведен он – свободен то есть* (Вовремя, 29.09.99).

Контекстуально зависимый П. составляет меньший процент употребления (36% от числа этой разновидности всех уровневых реализаций), а контекстуально не зависимый – больший (64%).

3) Микроструктурный П. характеризуется тем, что он соотносится с определённым фрагментом текста и представлен монопредикативными и полипредикативными разновидностями.

Эта разновидность встречается во всех проанализированных нами стилиевых разновидностях и составляет количественное преимущество над макроструктурами (95%) (см. пр. выше).

Макроструктурный П. – это такая разновидность фигуры, объём которой равен объёму всего произведения. П. здесь выступает как структурный организатор композиции всего произведения в малоформатных жанрах художественной литературы (рассказ, стихотворение и нек. др.). Примером П., организующего синтаксическую композицию целого произведения может служить рассказ М. Зощенко «Лёля и Минька. Ёлка» или поэтический текст М. Цветаевой «И тучи оводов вокруг...» из цикла «Стихи к Блоку». Такая разновидность встречается крайне редко (5% от всех случаев фигуры П. по всем обследованным стилям).

Наиболее распространёнными являются трёхкомпонентные конструкции П. (68% от всего количества примеров по всем обследованным разновидностям фигуры).

В третьей главе «Стилистические функции полисиндетона в современном русском языке» рассматривается понятие стилистической функции; анализируется функционирование П. в стиле художественной литературы (прозе, поэзии, драматургии), в публицистическом, научно-популярном и научном стилях; выявляется типичная конвергенция П. с другими стилистическими фигурами; устанавливается пунктуационная оформленность П. и её роль в стилистическом аспекте.

Под стилистической функцией в нашей работе понимается назначение (роль) языковой/речевой единицы в достижении того или иного стилистического задания. Под стилистической функцией фигуры П. мы понимаем ту роль, которую она выполняют в определенном стиле речи помимо выражения собственно грамматического значения (выражения типа связи и смысловых отношений между однородными членами, предикативными единицами и отдельными предложениями).

Широкий спектр функциональных проявлений П. (причём не только в поэзии, как преимущественно отмечается в лингвистической и речеведческой литературе) проявляется за счет того, что союзы выполняют объединительную функцию, которая вытекает из самой природы союзов: союзы являются гармонизирующим средством (особенно союз «и»).

К числу постоянной **выразительной** функции П. мы относим **усилительно-выделительную**, поскольку избыточный повтор союза является своего рода актуализатором фрагмента текста или всего текста (редко). За счёт этого происходит их выделенность, что приводит к усилению различных смысловых и эмоционально-экспрессивных значений. Эта функция реализуется во всех обследованных нами текстах.

В спектре частных стилистических функций находятся:

1. **Изобразительная функция.** При её реализации П. может выступать как средство создания наглядно-образных картин при описании персонажа, события, явления, природы и пр.; как форма усиления изобразительного контраста. Например, в следующих речевых иллюстрациях в контексте П. могут выделяться, подаваться описательные фрагменты текста, содержащие наглядно-образную характеристику:

- природы: *И на каменные стены натыкались облака. И отхаркивалась пеной сумасшедшая река. Обезумевшие чайки крики хриплые несли. И осинники, качаясь, нагибались до земли. И листва над мостовою – близкий родич воронью. Как недвижны мы с тобою у обрыва на краю* (Л. Замятин);

- различных жизненных ситуаций и коллизий: *Время от времени они раскрываются, и за декорациями и актерами видишь, как валит снег, как проходят незнакомые люди, озабоченные своими проблемами, как тащатся в пробке автомобиля* (Мир за неделю, 5-12.02.2000) и пр.

В следующем примере П усиливает контрастность: *Люди каждый день рождались и умирали, и ученые, и артисты, и плотники, и слесари, и рабочие, и начальники, и женщины, и мужчины, и взрослые, и дети – так было веки вечные, так будет, и ничего тут не поделаешь* (В.Астафьев).

Данная функция реализуется в художественной прозе и поэзии, а также в публицистических текстах за счёт всех разновидностей исследованной фигуры.

2. **Функция усиления определённых ощущений и тональностей.** В этом случае П. выступает средством актуализации многообразия, обилия, одновременности, последовательности, интенсивности, гармоничности, упорядоченности, временное и пространственное значения, результативности, динамичности, ассоциативности, патетичности, торжественности. Например: *Обнагленные жадно с гиком и гоготом рвут на куски пирог, который когда-то испекла покойница Русь – прощальный, поминальный пирог. И рвут, и глотают, и давятся* (А.Ремизов. Взвихренная Русь) – здесь усиление интенсивности; *Сложившие головы в бою достойны и посмертных наград, и мраморных обелисков, и, конечно же, памяти. Это нужно не мертвым, это нужно живым* (Моск. комс., 9-16.09.1999) – актуализация патетичности; *Об этом человеке можно сказать, что он [Собчак – М.В.] прошел школу жизни, что он вынес все испытания, уготованные судьбой, что он достойнейший из достойнейших людей нашего времени* (Известия, 9.12.2000) – подчёркивание торжественности. Эта функция обнаруживается в художественной прозе и поэзии, а также в публицистических текстах за счёт всех разновидностей исследованной фигуры, кроме макроструктурного.

3. **Характерологическая функция** – функция речевой характеристики субъекта речи. При реализации этой функции П. является средством имитации разговорной речи (непринужденности, спонтанности), средством усиления субъективации речи (внутренней и несобственно-прямой речи).

То есть теперь он [Инфантьев – М.В.] не мог вспомнить ни как он ехал, ни что видел из окна, ни тех, кто входил на остановках. И тут он понял, что ни о чем таком, о чем можно было бы так задуматься и погрузиться (во что? куда?), он не думал. Но был же весь поглощен. И тогда он вспомнил чем. И тут же смутился и даже покраснел и обернулся налево-направо, словно могли что-нибудь за ним заметить, но пассажиры ничего не подозревали. И вообще их было трое. И дремал кондуктор (А. Битов) – здесь осуществляется переход от внешнего мира героя к внутреннему, от внутреннего – к внешнему, что обнаруживает взаимообусловленность внутренних переживаний и внешних обстоятельств.

И тишина такая наступила, что слышно, как эта девица крашеными ресничками – морг. морг. И моя старушенция в соседней комнате аж не дышит. И продолжаю: "Ну а вы? Чем, собственно, вы думаете поразить мое воображение?" (С. Алешин) – имитация разговорной речи через непринужденность.

Эта функция выражается преимущественно в прозаических и драматургических текстах художественной литературы. В этом случае участвуют полипредикативный П. в контексте МСП или ССЦ дистантной или контактной разновидности, при этом встречаются гибридные и комбинированные структуры данной фигуры.

4. Функция актуализации эмоционального компонента речи – функция усиления эмоции (настроения) и эмоционального состояния субъекта речи (персонажа, рассказчика, автора), функция общей экспрессивизации речи. Высокоупотребительным является использование полисиндетических конструкций в поэзии для усиления

- крайней степени эмоционального напряжения: *Без стука – разлука! – Как вихрь заразный / К нам в жилы врывается – лихорадкой, - разлука! / И жжешь, и звенишь, и топчешь, и свищешь, / И рвешь, и рокочешь – и – разорванным шёлком / Северным волком, - разлука (М. Цветаева);*

- возмущения: *Вранье это все! Было у них и сходство характеров, и всего остального тоже. И любили супруги друг друга крепко, и жить собирались счастливо до конца их дней (Вовремя, 24.09.1999);*

- сожаления, тревоги: *- Ибо пуста душа человека без веры. – Это у нас-то пуста? – У таких, как вы, нет. Но вы из сильных и сильны своим делом, которое, по сути, для вас та же вера. А каково слабым, а больным, а страждущим, а одиноким, а покинутым? (С. Алешин).*

Обозначенная функция - типичное явление для всех подстилей художественной литературы и публицистики, кроме собственно научного. Редко встречается в научно-популярных текстах. На её выражении специализированы все разновидности фигуры, исключение составляет только макроструктурный П.

5. Текстобразующая функция. При реализации этой функции П. может быть средством создания повествовательной (эпической) манеры в речи автора, персонажа или рассказчика, конструирования форм художественного монтажа. Например, в данном контексте формируется повествовательная манера в речи персонажа: *– В прошлом году, - сказал Зураб, - у меня был такой случай. Я сам в городе Брянске служу. И у меня там была девушка. Зоя звали. И она жила на окраине. И вот однажды вечером мы с ней сидим на скамейке. И к нам подходит местный парень. Немного выпивший. И начинает приставать. Моя, отбиваешь наших девушек <...> (Ф. Искандер).*

В следующем примере представлен последовательный монтаж: *И он обернулся поставить эскиз перед Нержином на мальберт. И сам неотрывно смотрел только на этот эскиз. И поднял вывернутую руку к глазам, как бы заслоня от света. И отступая, отступая, чтобы лучше охватить видение, он пошатнулся на первой ступеньке лестницы и едва не грохнулся (А.Солженицын).* Здесь художественный текст строится по аналогии с рядом динамических последовательных кинокадров, в каждом из которых появляется один и тот же персонаж, изображенный в движении.

При этом автор-наблюдатель на данном отрезке текста не теряет изображаемого персонажа из виду, не переключает внимание на другие объекты.

Создание повествовательной манеры и монтажной функции посредством фигуры многосоюзия имеет место в прозе, поэзии и публицистике, однако в большей степени обозначенные реализации П. присущи прозаическим текстам художественного стиля. В таких функциональных проявлениях в основном представлен полипредикативный П. в составе ССЦ на уровне отдельных предложений, разделенных точкой, контактной и дистантной разновидностями.

П. – специфичное средство развёртывания научного текста. На текстовом уровне он является своего рода выделителем наиболее существенных понятий, определений, суждений и т.п. в рамках как собственно научного, так и научно-популярного стилей в контексте таких функционально-смысловых типов текста, как описание рассуждение, повествование (последний тип текста в контексте П. свойствен только научно-популярным текстам). Пример описательного П. в собственно научном стиле речи: *Это такое явление научной речи, когда целый ряд языковых средств каждого небольшого текста (например, в пределах предложения) – и лексических, и грамматических, и иных – «направлен» на выражение отвлеченности и обобщенности мысли* (М. Кожина).

6. **Композиционная функция** тесно связана с текстообразующей. Однако под композиционной функцией мы понимаем такую реализацию П., при которой данная фигура выстраивает и определяет некую перспективу композиционного движения произведения в целом. Здесь он рассматривается не относительно фрагмента текста, а относительно всего произведения. Такое использование фигуры встречается только в малых прозаических и поэтических жанрах: *В мечтах всегда и всё прекрасно: / и хмурый день. / там виден ясным, / и светом кажется там тень, / и ненависть любовью, / и зло там кажется добром, / и боль не кажется там болью. / Вода там кажется вином, / и крик там кажется нам песней, / и безобразное прелестным, / и правдой кажется обман, / жестокое гуманным, / и светлым разумом дурман, / и странное не странным* (А. Левенец). Данную функцию реализует только макроструктурный дистантный П. полипредикативного типа с анафорическим расположением союза в сильной позиции – в начале строфы (в поэтических текстах). Он играет роль «несущей конструкции», связки синтаксических компонентов стихотворения (или рассказа). Таким образом, за счёт П. возможно создать усиление цельности макроконтекста, высвечивание основного рисунка на фоне этой фигуры.

Фигура многосоюзия как композиционное средство может использоваться в таком малом жанре, как кроссворд: *И буддизм, и христианство, и ислам; И Буратино, и Мальвина, и Барби; И Вяльбе, и Егорова, и Резцова; И юнга, и капитан, и адмирал* (Вовремя, 26.01.2001).

7. **Интонационно-ритмическая функция** заключается в создании особого ритма в различных текстах.

В связи с рассмотрением стилистики сложного предложения отмечается, что постановка союза перед каждым членом синтаксической единицы способствует передаче ощущения усиленного перечисления. (Н.И. Формановская). В таких предло-

жениях ощущается большая ритмичность, поэтому П. в этой функции широко распространён в поэтических текстах: *И волны теснятся, / и мчатся назад, / И снова приходят, / и о берег бьют* (М. Лермонтов). Здесь избыточный повтор союза перед первым компонентом усиливает ритмичность фрагмента текста. Определённый ритм в поэтических текстах может создаваться за счёт равномерного чередования синтаксических единиц в контексте П., при этом данная фигура может обуславливать различную мелодику в звучании текста стихотворения, например, волнообразность (см. предшествующий пример) или плавность, напевность: *В полях скрипучие воротца, / и запах хлеба, и тоска, / и те неяркие просторы, / где даже голос ветра слаб, / и осуждающие взоры / спокойных загорелых баб* (А. Ахматова).

В прозаической речи ритм создается упорядоченным расположением синтаксических элементов, связанных частотным повторением союзов. Это создает ощущение того, что перед нами стихотворные строки, вкрапленные в прозаический текст, например: *Музыка, и гордый глас горного оленя, и ветра визг, и клотание воды, и однообразный шелест чонгури ... Что же еще мог придумать бог, чтобы утешить северного страдальца* (Б. Окуджава). Фигура П. в контексте монопредикативной разновидности создает легкость, быстроту в интонационном рисунке: *Без лада нельзя ни землю пахать, ни урожаем собирать, ни детей поднимать* (Б. Рошин).

Ритмообразующая функция П. преимущественно формирует замедленную, плавную интонацию. В выражении данной стилистической функции участвуют все разновидности фигуры, кроме макроструктурного П.

8. Приёмоактуализирующая функция П. – функция усиления приёма стилизации, а именно:

- летописного слога: *И вышел Олег на берег, и начал воевать. И много убийства сделал около города, и разбил много палат, и церкви пожег* (Из летописи для детей «Начало земли русской»); *И застыл в душе моей овечьей / Сон о тех далёких временах. / И пришёл я в городок торговый. / И сломал мне кости акробат <...>* (П. Антокольский);

- библейского слога: *И настанет день без конца. И солнце не погрузится в море, и луна остановится на месте, и звезды будут сиять. И засияет все негаснущим, лучезарным блеском. И скажет великий Бог: - Так хочет святая душа моя. И воины его <...> принесут ему со всех сторон света розовых облаков и устроят ложе* (В. Дорошевич); *И отрок играет безумцу царю, / И ночь беспощадную рушит. / И громко победную кличет зарю, / И призраки ужаса душит. / И царь благосклонно ему говорит <...>* (А. Ахматова).

Приёмоактуализирующая функция – характерное явление для художественной литературы (прозы, поэзии). Она выражается посредством участия дистантного полипредикативного П. в составе МСП и ССЦ, а также их совместными комбинациями.

9. Оценочная функция. Оценочная функция – характерное явление для публицистического стиля. Она может проявляться за счёт негативной или позитивной оценки. П. специализирован на усилении юмора (а), иронии (б), сарказма (в), которые являются выражением оценки: а) *Отказаться же от этой сцены я не мог.*

слишком глубокий смысл был вложен в свидения Сухова: получалось прямо по Фрейдю – и текущая река, и бадьи, полные воды, и поднимающая подол любимая женщина (Моск. комс., 9-16.09.1999); б) <...>Предлагает три варианта, затасканные западниками до безобразия. Тут тебе и танцы гигантских жевательных резинок, и похождения секретного агента, и полет на крыле кукурузника... Кристина все эти варианты отвергает и сообщает, что она хочет «остаться собой» (Комсомольская правда, 21-28.01.2000); в) Несознательные у нас мужички. Ленивые и опустившиеся. И к делу не приученные. И мастерству менеджерскому не обучены. и маркетинга в школах не проходили (Лит. газ., 26.12.1991). Здесь участвуют все разновидности фигуры П., кроме макроструктурной.

10. **Функция дискретности текста.** В этом случае П. способствует расчлененности научного и научно-популярного текстов, что облегчает его усвоение, доступность, например, фрагмент из собственно научного текста: *В плане языковых норм составитель использует традиционные для делового стиля языковые средства. Так: и стилистика текста документа (нейтральная и/или книжная); и лексика (близкие к однозначности лексемы и привычные словосочетания, включая клише и штампы, не говоря уже о так называемых канцеляризмах – средствах, употребление которых нормы литературного языка ограничивают деловой речью); и морфологические средства (преобладание имени над глаголом, продуктивность отглагольных существительных для называния действий; отказ от лично/указательных местоимений он, они...); и синтаксические средства (усложняющие синтаксис контекста, причастные и деепричастные обороты и сложноподчиненные предложения с эксплицирующими логические отношения союзами; именные цепочки с родительным падежом) (Л. Граудина). Функция дискретности текста выражается не только за счёт П. (анафорического типа), но и благодаря синтаксическому параллелизму.*

Итак,

- текстообразующая функция имеет место во всех обследованных нами стилевых разновидностях;

- изобразительная; функция усиления определённых ощущений и тональностей (многообразия, обилия, одновременности, последовательности, интенсивности, гармоничности, упорядоченности, временное и пространственное значения, результативности, динамичности, ассоциативности, патетичности, торжественности); интонационно-ритмическая; композиционная; приёмоактуализирующая свойственны для прозаических, поэтических текстов художественной литературы и газетной публицистики;

- функция актуализации эмоционального компонента речи встречается во всех обследованных стилевых разновидностях, кроме собственно-научных текстов;

- характерологическая представлена в прозаических и драматургических текстах художественной литературы;

- оценочная характерна для газетной публицистики;

- дискретная специфична для научно-популярных и собственно научных текстов.

В научно-популярных и собственно научных текстах П. часто выражает усиленно-выделительную функцию в несложном виде, что отвечает их выразительности.

В большинстве случаев П. является полифункциональным, например, одновременно участвует в образовании ритма и определённой композиции.

Таким образом, в большем объёме эти частные функции П. реализуются в художественном и публицистическом стилях, в меньшем – в научно-популярных и научных текстах.

Высказывания с П. часто вступают в стилистическую конвергенцию речевых фигур. Под конвергенцией стилистических фигур понимается сложный стилистический приём, в основе которого лежит взаимодействие стилистических фигур, выполняющих общую стилистическую функцию.

Наложение может быть способом реализации как конвергенции, так и контаминации. Различие заключается в том, что в первом случае происходит наложение определённого сегмента одной стилистической фигуры на другую, при этом они воспринимаются достаточно расчленено: *Да если на то пошло, я могу все брюквы унести, выкинуть их вон и перебрать всю я картошку, и свеклу, и морковь – все мне ничем!* (В. Астафьев). Контаминация по типу наложения имеет место тогда, когда в пределах одной синтаксической единицы происходит совмещение асиндетона и П., например, данное явление обнаруживает себя при сочинении однородных членов предложения, которые одновременно оформлены союзными и бессоюзным способом в одном ряду: *Наконец, нас связывало многое, если подумать: солдатский костер, каша, нелепица встречи и расставания, и знакомые нотки, посверкивающие время от времени в полубредовом бормотании австрийца, и конечно, совместное ноябрьское бегство по европейским весям* (Б. Окуджава).

П. вступает в конвергенцию чаще всего с различными стилистическими фигурами, основанными на повторе (48% от общего числа примеров конвергенции): *Жу-чище примчался, / И сел, / И качался, / И всё восхищался, / И всем восхищался* (Э. Мошковская) – П. монопредикативного типа с контактным расположением компонентов, ассонанс, аллитерация, гомеология (повтор однотипных суффиксов и постфиксов), редупликация; *И корь, и дифтерит у них, / И оспа, и бронхит у них, / И голова б о л и т у них, / И горлышко б о л и т* (К. Чуковский. Айболит) – П. полипредикативного типа с контактным расположением компонентов, эпифорический лексический повтор, позиционно-лексический повтор; *В Кольчугине эти разнодалекие цветные металлы смешивают <...> и получают из металлов и бронзы алюминевые, и бронзы оловянистые, и бронзы берилловые* (В. Солоухин) – анафорический П. монопредикативного типа с контактным расположением компонентов, гомеотелевтон, анафорический лексический повтор, контактный изоколон на уровне словосочетаний. Различные фигуры повтора в сочетании с П. выполняют общую функцию – усиленно-выделительную, которую могут сопровождать дополнительные значения в зависимости от контекстуальных условий.

Достаточно распространена совместная встречаемость П. и градации (23%): *И ему [Косте – М.В.] казалось, что он будет и кричать, и ликовать, и неистовствовать со всеми вместе* (Б. Окуджава) – монопредикативный П. и восходящая градация. Конвергенция данных фигур чаще представлена сосредоточенной встречаемостью

стью. Основная функция этих фигур состоит в усилении и выделении их компонентов, которые представлены в форме градиционного сопоставления «по сходству и по контрасту», т.к. они «имеют общее в значении и в то же время противопоставлены друг другу по интенсивности проявления этого общего» (А.В. Щербаков).

Реже П. взаимодействует:

- с парцелляцией (8%): *Представляете заголовки: «Хейкал сказал...», «Хейкал написал...». И Хейкал говорил! И писал! И сенсационные заголовки в зарубежных газетах были!* (Известия, 25.06.1998) - чаще по типу наложения в выделительной роли;

- с асиндетоном (7%): *Пора понять: от успешного решения собственных внутренних задач напрямую зависит и наше место в мире, и наша зажаточность, и наши новые права* (Известия, 25.02.2000) - сосредоточенная конвергенция обозначенных фигур усиливает субъективную модальность предложения;

- с риторическим восклицанием (6%): *Так знаете же, что реки – всять, / Что камни – помнят! / Что уж опять они, опять / В лучах огромных / Встают – два солнца, два жерла!* (М. Цветаева) - конвергенция по типу наложения усиливает эмоциональность данного фрагмента текста;

- с парантезой (4%): *И слитно с этой невидимой (и наверно, и конечно, и обязательно прекрасной) девушкой он впервые стал разглядывать Россию, и голос России всю ночь ему рассказывал правду* (А. Солженицын) – по типу наложения в пределах сосредоточенной конвергенции усиливается субъективная модальность в оценке предмета речи; *Она наш кумир, князь. И не только потому, что красива (мало ли красивых, чёрт их всех подери!). Но она была и умна, и мягкосердечна, и не капризна, и душечка, и плутовка, и королевочка* (Б. Окуджава) – взаимодействие по типу следования в контексте рассредоточенного варианта выполняет функцию усиления эмоционального компонента данного контекста;

- с различными видами антитезы (2%): *Но именно одиночества – не было на шарашке, как и во всяком лагере. Всегда везде были камеры, и купе вагон-заков, и теплушки телячьих вагонов, и бараки лагерей, и палаты больниц, и всюду люди, люди, и чужие и близкие, и тонкие и грубые, но всегда люди, люди* (А. Солженицын) – монопредикативный П. и амфитеза, взаимодействующие по типу наложения, способствуют созданию рельефного и подчёркнутого контраста, который является одной из форм отражения человеком реальной действительности;

- с эллипсисом (2%): *Лазили по колену в грязи по всему Уржицу – ни вина, ни чёрта, ни дьявола* (Б. Окуджава) – здесь П. и особый тип эллиптического бессоюзия выполняют изобразительную функцию.

Нами отмечено взаимодействие фигур П., которое осуществляется по гомогенному типу. В этом случае имеют место комбинированные структуры исследуемой фигуры. Под комбинированными структурами П. мы понимаем сочетание и определенное взаимное расположение двух (преимущественно) и более фигур многосоюзия. Такое расположение фигур П. может быть представлено следующими комбинациями:

- **последовательностью**: *Город был новый, и все в нем было новое: и заводы, и дома, и магазины, и пристани, и школы, и больницы. // Но как и во всяком новом го-*

роде, в Краесветске не планировалось строительство ни тюрем, ни домов инвалидов, ни исправительно-трудовых колоний, детприемников. Все это возникло само собой (В. Астафьев);

- включением: *Я вышел на улицу. И стою. Не знаю, что мне делать. А впереди два дня. А денег в кармане нет – всего осталось три копейки. А город чужой – никто меня тут не знает. И где мне остановиться – неизвестно. И что кушать – непонятно* (М. Зошенко);

- наложением: *И замена пропавшему рабочему тоже не приходила. И Сергей каждый день сам отправлялся на смену. И на рапорты его, что пора его освободить, потому что вот-вот начало занятий, не говоря уже, что семья заждалась, жена неизвестно что думает, что, если не отпустят, он сам все бросит и уедет, но и на эти рапорты ответа не было. И туман с каждым днем падал все плотнее, и каждый раз солнце все позже с ним справлялось, и однажды, скоро уже, должно было не справиться, и тогда снова – сплошные дожди, как было уже дважды* (А. Битов).

То или иное комбинированное расположение фигур П. относительно друг друга имеет различную частоту употребления. Так, последовательная композиция в расположении фигур по отношению друг к другу наиболее распространена (56% от общего числа комбинированного П.); менее – композиция по типу включения (31%); меньше всего встречается наложение (13%).

Таким образом, взаимодействие П. с другими стилистическими фигурами возможно не только на основе функциональной близости, но и на основе структурной обусловленности. Обнаруживает себя частотная конвергенция стилистических приёмов, в основе которых лежат общие и частные принципы их построения: избыточность – повтор, перечисление; также возможна конвергенция, обусловленная не общим принципом, а частным: избыточность и симметрия могут реализоваться за счёт повтора, который выступает в качестве предрасположенности к взаимовстречаемости стилистических средств.

Определённую роль в выражении стилистического назначения фигуры многосоюзия играет его пунктуационное оформление, которое является отклонением от стандарта пунктуации. Пунктуационные знаки дают возможность усиливать выделительную функцию П. через графическое подчеркивание коммуникативной значимости слова/группы/предложения: *Клара испытала какой-то еще высший стыд и страх! – и замерла! – и открыла сумочку! – и хотела вывернуть ее всю, отдать этой женщине! – и не посмела* (А. Солженицын); *Несколько раз в день приходится переодеваться и каждый раз мучительная головоломка: что надеть на твои крупные ноги? и какая шляпка тебе не смешна? и какие цвета тебе идут? и какой рисунок ткани? и какой воротник к твоему твердому подбородку?* (А. Солженицын); *С начала лета мы на новой квартире – на Троицкой. И низко и вода есть и электричество горит* (А. Ремизов); *И друг, конечно, предложит за меня тост, там, среди друзей, и все вспомнят и погрузят секунду и чокнутся от дури* (А. Битов). Анализ пунктуации П. подтверждает тезис: в стремлении выявить закономерности употребления знаков препинания, уместность/неуместность отступления от стандарта необ-

ходимо руководствоваться функциональным аспектом, опираясь на реальные контексты.

Употребление тех или иных знаков препинания в контексте этой фигуры обуславливает определенный интонационно-ритмический рисунок фигуры.

Знаки препинания в контексте исследуемой фигуры могут являться сигналом другой стилистической фигуры: *Если бы он только мог себе представить, как я, старая женщина, его люблю, да, да, и не смеялся бы при этом... И не смеялся бы при этом, и не мешал бы мне говорить* (Б. Окуджава) - в этом отрывке П. прерывается многоточием, которое сигнализирует об апоэтипе. Здесь конвергенция усиливает выражение чувств героини, оказавшихся главным содержанием высказывания.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационной работы и намечаются пути возможных дальнейших исследований.

Основные положения диссертации изложены в следующих **публикациях**:

В издании, рекомендованном ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук:

1. Веккесер, М.В. Функционирование стилистической фигуры полисиндетона в современном русском языке / М.В. Веккесер // Вестник Красноярского государственного университета. № 3/2. – Красноярск, 2006. С. 190-193.

В прочих изданиях:

2. Веккесер, М.В. Проблема изучения стилистических фигур асиндетона и полисиндетона / М.В. Веккесер // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 3 // КрасГУ / Сост. А.П. Сковородников и др. – Красноярск-Ачинск, 1997. С.37-38.

3. Веккесер, М.В. Бессоюзие в аспекте категории экспрессивности / М.В. Веккесер // Skripta manent: Сборник научных работ студентов и аспирантов-филологов. Вып. 7. – Смоленск: Смоленск. ГПИ, 2000. С 42-51.

4. Веккесер, М.В. Полисиндетон в современном русском языке в аспекте стилистической конвергенции / М.В. Веккесер // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. материалов Всерос. семинара / Под. ред. А.П. Тимононой. Ч. 1. – Пенза, 2000. С. 49-51.

5. Веккесер, М.В. К вопросу о структурно-семантических разновидностях стилистической фигуры полисиндетона / М.В. Веккесер // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Материалы Всерос. конф. 25-27 сент. 2001. Вып. 2. – Абакан, 2001. С.25-27.

6. Веккесер, М.В. Функционирование стилистической фигуры полисиндетон в текстовом аспекте / М.В. Веккесер // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы научно-методических чтений памяти проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под. ред.Б.Я. Шарифуллина. – Красноярск, 2001. С.9-12.

7. Веккесер, М.В. К вопросу о выделении группы полирелятивных стилистических фигур / М.В. Веккесер // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы научно-методических чтений памяти проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под. ред.Б.Я. Шарифуллина. Вып. 2. – Красноярск, 2002. С.15-17.

8. Веккесер, М.В. Некоторые структурно-семантические особенности и стилистическое функционирование полисиндетона в современном русском литературном

языке / М.В. Веккесер // Теоретические и прикладные аспекты педагогического образования: Сб. научн. ст. / Под ред. В.И. Семенова; Красн.ГУ. – Красноярск, 2003. С. 156-166.

9. Веккесер, М.В. Повтор служебных слов как стилистическое средство / М.В. Веккесер // Актуальные проблемы русского языка и литературы: Материалы Международной конференции молодых филологов. 19-21 нояб. 2003г. – Красноярск: КГПУ, 2003. С.21-25.

10. Веккесер, М.В. Структурно-функциональное сопоставление стилистических фигур асиндетона и полисиндетона в свете теории оппозиций / М.В. Веккесер // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: Материалы III Всерос. научн. конф. 25-27 нояб. 2003 г. / Отв. ред. Киселёв В.С., науч. ред. Пекарская И.В. – Абакан: ХГУ, 2003.С.113-118.

11. Веккесер, М.В. Функционально-стилистическое использование фигур асиндетона и полисиндетона в современном русском языке / М.В. Веккесер // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы научно-методических чтений памяти проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под. ред.Б.Я. Шарифуллина. Вып. 3. – Красноярск, 2003. С. 112-118.

12. Веккесер, М.В. Пунктуационное оформление полисиндетона в книжно-письменной речи / М.В. Веккесер // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы научн.-метод. чт. памяти проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под. ред.Б.Я. Шарифуллина; Красн.ГУ. Вып. 4. – Красноярск, 2004. С. 91-97.

13. Веккесер, М.В. К вопросу о содержании и объёме понятия «многосоюзие» / М.В. Веккесер // Русский язык: Теория. История. Методика: Материалы X филологич. чтений им. проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Под. ред.Б.Я. Шарифуллина; Красн.ГУ. Вып. 5. – Красноярск, 2005.С. 165-171.

14. Веккесер, М.В. К вопросу о типологии полисиндетона как стилистического приёма / М.В. Веккесер // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: Языковая личность в межкультурной коммуникации: Матер. V Всерос. научн.-практич. конф. 23-25 нояб. 2005 г. / Отв. ред. Е.В. Танков, научн. ред. И.В. Пекарская. – Абакан: ХГУ, 2005. С.126-132.

15. Веккесер, М.В. Типология полисиндетона как стилистической фигуры в современном русском литературном языке / М.В. Веккесер // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: Материалы XI Филол. чтений им. проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / Отв. ред. Б.Я. Шарифуллин; КрасГУ. Вып. 6. – Красноярск, 2006. С.181-186.

Подписано в печать 28.02.2007

Печать офсетная

Тираж 100 экз.

Заказ №143

Отпечатано в копировальном центре «ПолиГраф» ИП Семёнов И.Е.
662543, Красноярский край, г. Лесосибирск, 7-й мкр., 22.

10